

Плей-лист

Lily Kershaw – As It Seems

Glen Hansard & Marketa Irglova – Falling Slowly

John Newman – Stand By Me

Sam Smith – Kids Again

Diana Demuth – Rose Of Nantucket

Lucas Hoge – If Only I Could

Ingrid Michaelson – Maybe

Rompasso – Paradise

The Weeknd – In Your Eyes

Aron Blom – Six Years

Shawn Mendes – If I Can't Have You

Sigrid – Mine Right Now

Coldplay – A Sky Full Of Stars

*Посвящается моей Анне
Поверь, ты все еще можешь
открыться миру*

★ Будущее неизбежно, предопределено,
но может не состояться.
В промежутках нас подстерегает Господь Бог.

Хорхе Луис Борхес

Пролог

Воскресенье, 31 мая
22.59

О чем думает семнадцатилетняя девчонка, засыпая накануне первого в своей жизни свидания? Настоящего свидания, я имею в виду. И слово «настоящий» здесь предполагает официальное приглашение от парня, произнесенное им вслух, написанное на бумажном сердечке и приклеенное к окну.

Она думает о том, как все пройдет, что они скажут друг другу и — тут я не открою вам тайну — будет ли сопровождаться все это действие поцелуями. Тоже настоящими, разумеется.

Я засыпала, глядя на черное сердечко, которое Мика приклеил на стекло моего окна с обратной, уличной, стороны. «*Завтра. Ты и Я*», — было написано на нем неровным почерком. Из-за темноты я не могла разглядеть букв, но я точно знала, что они там есть, — я прочитала его послание еще до того, как выключила свет и легла спать.

«Ты и Я».

Звучало многообещающе.

И, повторяя эту фразу про себя перед сном, я не могла не улыбаться. Последняя мысль перед тем, как мои глаза сомкнулись, была о фонарике: а что, если взять его и посветить на стекло? Тогда можно будет снова прочесть написанное.

Но за фонариком вставать было лень, а я и так знала содержание послания. И оно заставляло меня улыбаться снова и снова.

Ты и Я. Завтра.

Так и будет.

Четверг, 4 июня 7.29

Я очнулась, еще до конца не осознавая, что проснулась не от звонка будильника, а от какого-то постороннего шума.

— Сюда! Да! Вот так! Наклоняй! — доносились с улицы мужские голоса.

Затем под окнами залаял пес. Наш пес.

«Какого черта?»

Дрисс — добродушный гигант-нюфаундлен — практически никогда не подавал голос. Чтобы заставить его лаять, нужно сильно постараться.

Я приподнялась, потерла веки пальцами и выглянула в окно.

Несколько рабочих возились на участке через дорогу. Похоже, старуха Пельцер все-таки получила разрешение от городского совета на устройство бассейна у себя во дворе. Вот же упрямая бабка! Мы только на днях смеялись с Микой, что только умалишенной придет в голову рыть бассейн перед домом в городе, в котором даже летом средние значения температуры едва достигают восемнадцати градусов.

— Опускай! — крикнул один из рабочих, махнув рукой.

И Дрисс беспокойно заметался у ограды, наблюдая за тем, как выгружают вдоль дороги массивные поддоны с декоративным камнем.

«Кто вообще отпустил пса во двор одного, без присмотра?» — Едва в голове пронеслась эта мысль, как я по привычке перевела взгляд вправо — туда, где располагался дом Ярвиненов. И только тогда заметила, что на стекле нет черного сердечка — послания от Мики.

Наверное, унесло ветром — со здешней погодой ничему не стоит удивляться. Но сердце все равно неприятно кольнуло смутное предчувствие: будто происходило что-то нехорошее.

А потом зазвенел будильник. И это было так неожиданно, что я чуть не подпрыгнула. Потянулась за телефоном, отключила сигнал и снова посмотрела на окно. На стекле еще виднелись белесые следы от клея, который вечером держал записку.

Я перечитывала ее снова и снова перед сном — от воспоминания об этом на душе потеплело, но что-то странное во всей окружающей обстановке не давало покоя.

— Софья! — послышался мамин голос за дверью. — Да стой ты! Подожди!

Я осторожно спустила ноги с кровати и зевнула. На столе стояла ваза с желтыми тюльпанами. Откуда она здесь? Кто ее принес? Мама? Но когда?

— Со-о-фья!

И вообще, что мои мать и сестра делали дома утром в понедельник?

Мама уезжает на работу в 6.30, а Софья отправляется в школу в 7.20 на спецкурсы по подготовке к экзаменам. Обычно я просыпаюсь в полной тишине, и первым звуком, нарушающим ее, становится шум включаемого мной компьютера.

— Даю слово, сегодня никаких наркотиков, сигарет и выпивки! — издевательским тоном пропе-

ла младшая сестра. — Надеюсь, теперь ты довольна, мам?

— Как смешно.

Я бросила еще один взгляд на экран смартфона. «7.30» — никакой ошибки. «ЧЕТВЕРГ, 4 ИЮНЯ» — было написано ниже.

Четверг?..

Сегодня же понедельник. Так?

Я потрясла головой.

И в этот момент мое внимание привлек пустой блистер из-под таблеток, лежащий на тумбочке возле моей кровати. Он включал всего две ячейки, и обе были пусты. Рядом стоял наполовину пустой стакан с водой.

— Эй, ты как? — В мою комнату бесцеремонно ворвалась Софья. Она подперла плечом дверной косяк и уставилась на меня.

— С каких это пор мы с тобой разговариваем? — огрызнулась я.

Ее лицо вытянулось. Софья удивленно хмыкнула, но тут же взяла себя в руки.

— Ну что ж, — произнесла она ледяным тоном, — бог свидетель, я пыталась быть с тобой любезной, дорогуша, но тот факт, что смерть твоего возлюбленного никак не отразилась на намерении школы провести сегодня школьный бал, не оправдывает твоей агрессии. Ты можешь сколько угодно злиться на то, что его больше нет, но не нужно срывать злость на тех, кто пытается тебе помочь, ладно? Прими-ка лучше еще пару волшебных пилюль, что выписал доктор, и поспи. Или поплачь в подушку. Хотя... — Сестра оглядела меня с презрением и поморщилась. — Вряд ли такие, как ты, способны выжать из себя хотя бы пару слезинок, да?

— Что ты куришь вообще? Куриный помет? — Ошарашенно посмотрела на нее я. Затем вдохнула больше воздуха и закричала: — Ма-а-а-ам!

Вот уж кто точно должен быть в курсе, что ее шестнадцатилетняя дочь с утра вмазалась чем-то и поехала крышей.

— Мне жаль тебя, и все такое, — пожала плечами Софья. — Ты потеряла единственного друга, Анна, но уже хотя бы из-за этого можно было не быть такой сукой.

— Ма-а-ам! — нетерпеливо завопила я.

В коридоре послышались шаги.

— У нее приступ бешенства, — бросила сестра, разворачиваясь, — я умываю руки.

— Что случилось? — В комнату влетела мама. Она была в пижамных штанах, хлопковой кофточке, тапочках и явно не торопилась на работу. — Вы опять ругаетесь?

— Я ухожу. Разбирайся с ней сама, — вздохнула Софья и вышла в коридор.

— Мам, что она несет? — не выдержала я. — Какую-то чушь про смерть, пилюли какие-то, про школьный бал... — Я взмахнула рукой. — Ты посмотри на нее! Она же совсем слетела с катушек!

— Хватит вам уже ругаться.

— Я и не ругалась. Она ворвалась ко мне в спальню и начала нести этот бред!

— Пойдем позавтракаем, — примирительно улыбнулась мать. Убрала спутанные волосы за уши и подкатила к моей кровати кресло-коляску. — Кажется, ты ничего не ела с самой гибели Мики? Понимаю, как это тяжело, но доктор сказал...

— Что? — Я замотала головой. — О чем ты?

- Лена Сокол -

— О том, что тебе нужно питаться, чтобы не подорвать окончательно свое здоровье.

— Нет! Что ты сказала?! Гибели кого?! — У меня замерло сердце.

— Прости, родная, мне очень жаль. — Мама села и положила руку на мое плечо. — Мы все очень скорбим. Он был таким... добрым и светлым мальчиком. — На ее лице читалась усталость. — И я понимаю, что тебе сейчас очень тяжело, но мы должны как-то пережить его смерть.

Не знаю, может, слово «смерть» имеет какое-то магическое влияние, но, когда я услышала его из уст матери, у меня закружилась голова. Это точно не могло быть правдой. Это точно не могло произойти ни с кем из нас, а тем более с ним! Смерть? Гибель? Все это звучало чудовищно и должно было оказаться лишь страшным сном...

Я сильно зажмурила глаза, но, когда открыла их, мамин полный сочувствия взгляд никуда не исчез. Она продолжала смотреть на меня с жалостью и нежно гладила по плечу.

На экране мобильного по-прежнему светилось слово «четверг», а за окном лаял пес. Я хотела закричать, что в день твоего первого настоящего свидания мир не должен внезапно сходить с ума. Хотела возразить, но не смогла выдать ни слова — просто продолжала непонимающе смотреть на мать.

- 1 -

1 апреля

До того момента, как по соседству поселился Мика Ярвинен, я не замечала (или старалась не замечать), насколько ущербна моя жизнь. Это был обычный, ничем не примечательный день, и я уж точно не могла подумать, что он изменит все.

— И сегодня побеждает... Анна! — торжественно объявил Алекс.

Все дружно засмеялись.

— Ха-ха, — злобно ответила я, подкатывая коляску к экрану компьютера. — Этот чат давно пора переименовать в чат любителей злодейского смеха.

— Тогда уж в чат мастеров злодейского смеха! — подхватил Алекс. Он тоже подкатил свое кресло ближе, и его изображение в окошке на экране стало крупнее. — Потому что за последние полгода твои вечные опоздания стали для меня отличной тренировкой, Романова. Я натренировался до мастера международного класса, и даже Доктор Зло с его эпичным «мвуахахаха» для меня больше не конкурент!

Он тут же рассмеялся — как-то по-девичьи, задышавшись, и даже немного истерично, отчего все разразилось смехом, а я чуть не расплескала принесенный с кухни чай. Нет, Доктор Зло точно бы позавидовал экспрессии, количеству переливов и палитре звуков в смехе Алекса.